
ГОСУДАРСТВО, ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И СТАБИЛЬНОСТЬ

STATE, CIVIL SOCIETY AND STABILITY

Научная статья / Research Article

УДК 316.4

DOI: 10.14258/SSI(2025)3–04

Репродуктивные установки российских студентов в преддверии глобального демографического кризиса

Ирина Мироновна Лоскутова¹

Максим Викторович Синяев²

Вера Сергеевна Тарченко³

Мария Юрьевна Казарян⁴

Владимир Викторович Лукьянов⁵

---

¹ Российский национальный исследовательский университет имени Н.И. Пирогова Министерства здравоохранения РФ, Москва, Россия, loskutova07@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4939-6045>

---

² Российский национальный исследовательский университет имени Н.И. Пирогова Министерства здравоохранения РФ, Москва, Россия, sinyaevmax1@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4543-4414>

---

³ Российский национальный исследовательский университет имени Н.И. Пирогова Министерства здравоохранения РФ, Москва, Россия, veratarchenko@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0008-8047-7218>

⁴ Российский национальный исследовательский университет имени Н.И. Пирогова Министерства здравоохранения РФ, Москва, Россия, mariakaz-n@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7291-1186>

⁵ Курский государственный университет, Курск, Россия, vvdoc@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-7834-9903>

Аннотация. Статья посвящена проблемам изучения репродуктивных установок российской студенческой молодежи, что является особенно значимым и актуальным в условиях приближения глобального демографического кризиса, а также в контексте проводимой демографической политики и социально-экономического развития страны. Отмечается, что современное рыночное общество, с одной стороны, обеспечивает постоянный экономический и технологический прогресс за счет высокого уровня конкурентности, индивидуализма и негарантированности жизненных благ, а с другой — не может обеспечить своего демографического воспроизводства в силу совершенствования системы социальных гарантий и изменения экономической модели, снизившей спрос на низкоквалифицированную рабочую силу, а также трансформации жизненных ценностей и моделей поведения, когда профессиональная и экономическая успешность оказывается важнее семьи, тем самым оказывая влияние на репродуктивное поведение. Так, в условиях изменения ценностей в современном обществе, а также экономической ситуации формируются новые установки и взгляды на репродукцию и семейную жизнь у молодого поколения. Авторы анализируют результаты эмпирического социологического исследования репродуктивных установок студентов медицинского вуза, проведенного в 2024–2025 гг. Молодежь, как будущие родители, играет решающую роль в формировании демографической картины, поэтому понимание ее приоритетов и планов относительно деторождения имеет первостепенное значение. В рамках исследования были поставлены задачи определить основные ценностные ориентиры молодежи и проанализировать влияние современных социальных и экономических факторов на формирование репродуктивных установок. Для достижения целей исследования был использован метод анкетирования. В результате исследования было выявлено, что большинство студентов выражают позитивное отношение к вступлению в брак, созданию семьи и рождению детей, однако реальные планы по репродуктивному поведению часто откладываются на более поздний срок, что связано с определенными условиями современного мира, такими как экономическая ситуация и повсеместное изменение ценностей молодежи.

Ключевые слова: демография, репродуктивные установки, студенческая молодежь, социальная политика, социальные риски

Для цитирования: Лоскутова И. М., Синяев М. В., Тарченко В. С., Казарян М. Ю., Лукьянов В. В. Репродуктивные установки российских студентов в преддверии глобального демографического кризиса // Society and Security Insights. 2025. Т. 8, № 3. С. 84–98. doi: 10.14258/ssi(2025)3–04.

Reproductive Attitudes of Russian Students on the Threshold of the Global Demographic Crisis

Irina M. Loskutova¹

Maxim V. Sinyaev²

Vera S. Tarchenko³

Maria Yu. Kazaryan⁴

Vladimir V. Lukyanov⁵

---

¹ Pirogov Russian National Research University of the Russian Ministry of Health, Moscow, Russia, loskutova07@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4939-6045>

---

² Pirogov Russian National Research University of the Russian Ministry of Health, Moscow, Russia, sinyaevmax1@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4543-4414>

---

³ Pirogov Russian National Research University of the Russian Ministry of Health, Moscow, Russia, dthfn@rambler.com, <https://orcid.org/0009-0008-8047-7218>

---

⁴ Pirogov Russian National Research University of the Russian Ministry of Health, Moscow, Russia, mariakaz-n@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7291-1186>

---

⁵ Kursk State University, Kursk, Russia, vvdock@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-7834-9903>

Abstract. The article addresses the challenges of studying the reproductive attitudes of Russian students, which is particularly relevant in the context of the looming global demographic crisis, as well as the country's demographic policy and socio-economic development. The article notes that modern market society, on one hand, fosters constant economic and technological progress driven by high levels of competitiveness, individualism, and the absence of guarantees for essential social benefits. On the other hand, it struggles to ensure demographic reproduction due to changes in the social security system and economic transformations that have reduced demand for low-skilled labor. Additionally, shifts in life values and behavioral patterns have occurred, with professional and economic success increasingly prioritized over family, thereby impacting reproductive behavior. In the context of evolving values in modern society and the economic environment, new attitudes toward reproduction and family life are emerging among young people. The authors analyze the results of an empirical sociological study on reproductive attitudes among medical university students conducted in 2024–2025. Young people play a crucial role in shaping the demographic landscape; therefore, understanding their priorities and childbearing plans is of utmost importance. The study aimed to identify the core values of young people and analyze the influence of contemporary socio-economic factors on the formation of reproductive attitudes. To achieve these objectives, a sociological questionnaire method was employed. The study revealed that while most students express a positive attitude toward starting a family and having children,

actual plans for reproduction are often postponed to a later stage. This delay is associated with certain conditions of the modern world, including the economic situation and significant shifts in youth values.

Keywords: demography, reproductive attitudes, student youth, social policy, social risks

For citation: Loskutova, I. M., Sinyaev, M. V., Tarchenko, V. S., Kazaryan, M. Yu., Lukyanov, V. V. (2025). Reproductive Attitudes of Russian Students on the Threshold of the Global Demographic Crisis. *Society and Security Insights*, 8(3), 84–98. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2025)3–04.

Введение

Современное индустриальное и урбанизированное общество, распространяющееся по территории всей планеты к середине XXI в., так или иначе окажется в состоянии глобального демографического кризиса. В отличие от мрачных прогнозов Римского клуба из далеких 70-х гг. XX в., в основе этого демографического кризиса будет лежать не перенаселение планеты, а сокращение этого самого населения до таких значений, когда возникнут проблемы не только с функционированием социальных систем, но и отдельных сегментов экономики, что, в свою очередь, создаст проблемы с возможностью поддержания крупных инфраструктурных проектов и систем, а также создаст условия для серьезных политических кризисов в силу неспособности государства выполнять ряд функций, которые выполнялись ранее (Афанасова, 2023: 55–60).

Тут у нас возникает ряд вопросов: произойдет ли это на самом деле и если произойдет, то в какой именно форме, почему произойдет и что с этим делать? На ряд этих вопросов мы и попытаемся дать ответ в статье.

Первый вопрос, скорее всего, требует положительного ответа, для него достаточно взглянуть на динамику изменения демографических показателей за последние 30–40 лет. Во всех развитых странах наблюдается падение рождаемости, более того, оно наблюдается и в странах с более низким уровнем развития. В ряде случаев удается поддерживать численность населения за счет миграции, в ряде — за счет роста продолжительности жизни. Но оба эти пути, увы, не имеют серьезных исторических перспектив: миграция из стран с более низким уровнем развития в развитые наталкивается на падение рождаемости в самих этих странах, там просто становится меньше людей, причем те из них, кто получил более-менее хорошее образование, вовсе не желают отправляться в миграцию — у них появляется больше возможностей устроиться в родной стране. В случае с ростом продолжительности жизни в условиях падения рождаемости можно говорить об отложенном падении численности населения, которое обязательно произойдет в течение следующих 10–15 лет. Единственный показатель, который позволяет нам судить о происходящем в демографической сфере, — это суммарный коэффициент рождаемости (СКР), т.е. среднее количество детей, рожденное женщиной в течение репродуктивного периода. Для ситуации нулевого прироста он должен составлять 2,2, так как всегда будут пары, которые не могут иметь детей по тем или иным медицинским показателям, и этот аспект сложно изменить с помощью мер социальной политики, в частности выплатой пособий. В современном мире практически во всех развитых

странах он заметно ниже. Есть еще страны с низким уровнем развития, но и там он падает, по-настоящему высокая рождаемость в современном мире осталась пока только на африканском континенте.

За период наблюдений с 1990 по 2019 г. мировой СКР неуклонно понижался с 3,2 до 2,4. Но это по миру в среднем, по развитым странам картина более мрачная. Так, по состоянию на 2024 г. США — 1,64, Россия — 1,50, Великобритания — 1,56, Германия — 1,53, Европейский союз в целом — 1,50, даже Китай — 1,28, и несомненный лидер рейтинга Южная Корея — 0,72. Даже в исламских странах наблюдаются те же тенденции: Иран — 1,71, Турция — 1,91. В среднем по земному шару по состоянию на 2019 г.— 2,47, по развитым странам — 1,64, по развивающимся — 2,59, по слабо развитым — 4,0.¹⁶

Очевидно, что мы столкнулись с глобальным процессом, характерным для всех современных индустриальных урбанизированных обществ. В основе этого процесса лежат универсальные причины, связанные именно с условиями жизни в этих обществах, которые, судя по всему, невозможно компенсировать влиянием культурных и религиозных факторов. Что же это за причины?

Во-первых, это социальные причины. В современном мире появилась болееменее эффективная система социального обеспечения, в ряде случаев можно даже говорить о формировании полноценного социального государства. Общественное сознание не совсем четко рефлексирует масштаб изменений, но еще в XIX в. отношение к государству было совсем другим, от него не ждали ничего, кроме новых налогов и рекрутских наборов. Система пенсионного обеспечения касалась только весьма ограниченной прослойки населения — военных и чиновников. Первая система государственного пенсионного обеспечения появляется в Германии в 1889 г. В XIX в. основная масса населения никаких пенсий не получала, а общий уровень развития экономики не позволял за годы трудовой жизни скопить что-либо на старость, поэтому дети рассматривались как «вложения в пенсию», и эта ситуация была нормой в течение тысячелетий. Сейчас ситуация даже не в самых экономически успешных странах кардинально изменилась — пенсионная система существует практически повсеместно, бесплатная медицина тоже стала признаком современного мира. Выживание в условиях отсутствия каких-либо социальных гарантий со стороны государства и общества требовало наличия социальных гарантий хотя бы со стороны семьи, поэтому, чем больше была семья, тем больше у нее было шансов на коллективное выживание и на выживание ее отдельных членов.

Во-вторых, экономический аспект. В условиях аграрной экономики дети очень рано начинали свою трудовую жизнь, уже с 6–7 лет они помогали по дому и хозяйству. Это был семейный резерв рабочей силы, причем бесправный и бесплатный резерв. Ребенок был самым низкоранговым членом семьи, и вся культура XIX в. подчеркивает этот аспект: вырасти и стать человеком, обрести какие-то права. Дети той эпохи мечтали о новой взрослой жизни. Ныне ситуация карди-

¹⁶ Коэффициент суммарной рождаемости, 1950–2019. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/app/world_tfr.php

нально поменялась. Дети не столько мечтают о взрослой жизни, сколько боятся ее и не хотят взросльть, появился даже термин для обозначения этого явления — инфантилизация общества. В современном обществе ребенок не может принимать участия в экономической деятельности, так как детский труд очень серьезно ограничен законодательно и малоэффективен из-за технологического прогресса экономики. У детей есть права, за несоблюдение которых родители могут быть лишены родительских прав. В то же время если выросший ребенок не хочет содержать постаревших родителей, то юридически это в большинстве случаев никак не наказывается. В современных условиях нормой считается, когда родители содержат ребенка все время его обучения, то есть до 22–23 лет, если мы говорим о высшем образовании, а затем помогают уже ему содержать свою семью, так как платят молодым специалистам немного, а рынок недвижимости чужд сентиментов. Поэтому, с чисто экономической точки зрения, в современном обществе большая семья невозможна.

В-третьих, социальная динамика. Да, в современном обществе есть социальные лифты, и это имеет свои плюсы и минусы. По поводу плюсов все понятно, зачем насилино держать талантливых людей внизу социальной иерархии, если от них больше толку на других социальных позициях? Увы, есть и минусы, жизнь крестьян и рабочих традиционного или раннего индустриального общества была тяжела, но стабильна: работай хорошо, слушайся начальника и, может быть, станешь помощником мастера, а может, и нет, как получится. Никаких возможностей стать директором завода или занять другую высокую социальную позицию не было и быть не могло. В современном мире эти возможности появились, но эти социальные лифты требуют серьезных усилий, люди вынуждены жить в состоянии постоянного соревнования с окружающими, которое, конечно же, повышает их экономическую эффективность, но не предполагает ведения размежевойной семейной жизни в многодетной семье. Более того, в обществе сформировался запрос на восходящую социальную мобильность, считается, что дети должны достичь более высоких позиций, чем родители, в противном случае их ждет не то чтобы осуждение, скорее неполучение общественного одобрения. Но можно ли презреть общественные условия и остаться на своей социальной позиции? Увы, это все же не традиционное общество, и социальные лифты никто не планировал отключать, на любую социальную позицию есть претенденты снизу. Таким образом, люди в современном обществе живут в условиях негарантированности социального статуса, его как минимум надо постоянно подтверждать. Исключением являются маргиналы, но стимулирование рождаемости в этой среде является скорее проблемой, чем перспективным путем решения проблемы.

Таким образом, можно сказать, что сформировавшаяся модель рыночного либерального общества обеспечивает ускоренный экономический и технологический прогресс, но, увы, создает серьезные проблемы в плане воспроизводства населения. Причем так было уже в начале становления этой социальной модели — раньше это было не так заметно, так как изначально нехватку населения можно было дополнить за счет собственной деревни, где капитализм с либерализмом

развивались медленно, сталкиваясь с традиционным крестьянским сознанием. Потом, по мере исчерпания этого источника, обратились к завозу мигрантов, и все это как-то маскировало проблему. Действительно заметным масштаб проблем стал уже в XXI в., когда выяснилось, что капитализм и либеральная концепция прав человека стала доминирующей социально-политической и социально-экономической системой, включив в себя абсолютное большинство стран, в которых идут схожие демографические процессы.

В ближайшее время можно ожидать только ускорения этих процессов. Почему? Вся инфраструктура, начиная от производства товаров для детей и системы образования, будет вынуждена учитывать падение количества детей и сжиматься. А дальше проявится такая ситуация, при которой массовое производство товара приводит к снижению себестоимости, штучное — к росту. Чем меньше производим товаров для детей, тем они дороже, чем дороже инфраструктура для детей, тем дороже обходится ребенок родителям. Далее, конечно же, следует рост смертности. Почему? А кто будет работать, чтобы обеспечить пенсионеров, кто пойдет в сиделки в дома престарелых? Значит, эта сфера будет существовать в условиях дефицита ресурсов — увы, с вполне очевидными последствиями. Конечно же, миграция какое-то время будет смягчать проблему, но этот ресурс ограничен, так как сложное общество требует высокой квалификации, и те, кто способен усваивать сложные навыки, могут хорошо устроиться у себя дома. В миграцию отправляются обычно малоадаптированные низы стран третьего мира, массовый завоз которых создает больше проблем, если вообще решает какие-либо проблемы.

Надо также смириться с тем, что любые меры если и сработают, то лет через 20–30. Значит, наше будущее — общество, в котором людей не будет хватать. Отсюда мы плавно подходим к тому, что современные представления об уровне жизни или степени разделения общественного труда, той самой специализации, которая обеспечивает технологический и экономический прогресс, потребуют серьезной корректировки. Конечно же, это приведет к экономическому регрессу и падению уровня жизни, что в условиях общественного сознания, ориентированного на постоянный рост потребительских ожиданий, может привести к серьезным социально-политическим катаклизмам.

Нельзя сказать, что демографическая проблема находится на задворках обществоведческой мысли. Скорее наоборот, в последнее время демографическая проблема находится в центре внимания научной общественности как в мире, так и в России. Постоянно проводятся исследования, круглые столы и конференции, посвященные различным аспектам изучения демографической проблематики.

Данные и методы исследования

Эмпирическую основу нашей работы составили данные социологического исследования «Репродуктивные установки студентов медицинского вуз» среди представителей целевой аудитории (студенты Российского национального исследовательского университета имени Н.И. Пирогова Министерства здравоохранения РФ с 1-го по 6-й курс), проведенного в сентябре — ноябре 2024 г. Лаборатор-

рией социальных технологий Института клинической психологии и социальной работы Пироговского Университета. Всего было опрошено 1127 респондентов, из них 940 женщин и 187 мужчин. Надо заметить, что определенный сдвиг выборки по полу, конечно же, вносит свой вклад в окончательные данные, но в данном случае проблемой не является, так как в случае с репродуктивным поведением в основе его все же лежат представления женщин о желаемом и допустимом количестве детей. Исследование затронуло возрастную когорту молодежи в возрасте от 17 до 25 лет. В исследовании приняли участие студенты, обучающиеся как по медицинским, так и по немедицинским специальностям. Исследование проводилось методом онлайн-анкетирования с использованием Яндекс-формы. Инструментарий — самозаполняемая анкета, включающая открытые и закрытые вопросы, которые кодировались при обработке. Результаты обработаны в IBM SPSS Statistics.

Результаты исследования

Целью исследования было изучение влияния социальных факторов на репродуктивные установки студентов для формирования мер поддержки молодых студенческих семей. Исследование подтвердило общие тенденции, наблюдающиеся последнее время в сфере репродуктивных установок российской молодежи, но в то же время выявило ряд специфических моментов.

На вопрос о том, планируют ли они в будущем создавать семью, 60% опрошенных отметили, что они планируют вступить в юридический брак. Эта позиция в той или иной мере четко проявляется как у студентов медицинских, так и немедицинских специальностей, как у студентов младших, так и старших курсов, а если сюда еще добавить ответы тех, кто планирует заключить как религиозный, так и юридический брак одновременно, то количество студентов, ориентированных на заключение брака в будущем, достигает 85%. Такие варианты ответа, как «жить с партнером без регистрации» или «не планирую в будущем заводить семью», набирают не более 7–8% ответов по разным возрастам и направлениям обучения.

Студенты отвечали на вопрос о наиболее подходящем возрасте вступления в брак для женщин и мужчин, и, согласно ответам студентов, для женщин такой возраст — 25 лет, а для мужчин — 27. Тут уже наблюдается серьезное влияние современных условий существования в сложном социуме, создание семьи откладывается на период после получения образования, что является принципиально важным моментом: семья и дети так или иначе оказываются в подчиненном положении, изначален социальный и профессиональный успех. Ситуация очевидна, сложно требовать другого от людей, которые со старших классов школы подчинили свою жизнь сначала подготовке к поступлению в престижный медицинский вуз, а затем начали успешно обучаться в нем.

Следующий важный вопрос — «Планируете ли вы иметь детей?», и тут 80% опрошенных положительно ответили на этот вопрос. Следующий вопрос касал-

ся желаемого количества детей в будущем браке, наиболее популярный ответ — это два ребенка; более 50% студентов выбрали именно его.

Еще один вопрос, связанный с репродуктивным поведением, касался количества детей в идеальной современной российской семье. Более 40% студентов считают, что в идеальной современной российской семье должно быть двое детей, но в тоже время 15–20% считают, что дети совсем не обязательны, т.е. с их точки зрения идеальная семья может включать в себя двух супругов, и если их жизнь гармонична и лишена конфликтов, то даже в условиях отсутствия детей они все равно остаются счастливой семьей. В современном обществе медленно, но верно понятие счастливой семьи начинает утрачивать такой атрибут, как наличие детей, счастливая семья в той или иной форме возможна и без детей.

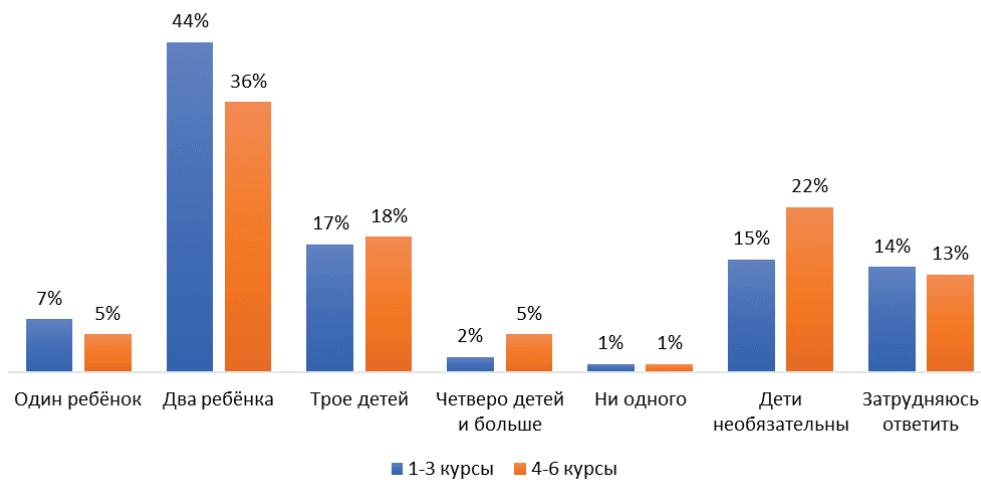

Рисунок 1 — Ответы на вопрос: «Сколько детей, на Ваш взгляд, должно быть в идеальной современной российской семье?», %.

Figure 1 — Answers to the question: «How many children, in your opinion, should there be in an ideal modern Russian family?», %.

Принципиально важным, даже можно сказать, смыслопределяющим для всего этого исследования был вопрос о модели семейных отношений будущей семьи. На выбор респондентам были предложены следующие варианты ответов:

- Молодые родители совершаются в профессиональной деятельности на равных.
- Отцы обеспечивают семью, матери занимаются воспитанием детей, выходят на работу, когда ребенок повзрослев.
- Матери обеспечивают семью, отцы занимаются воспитанием детей, выходят на работу, когда ребенок повзрослев.
- И отцы, и матери стараются больше времени уделять семье и детям, работа вне дома лишь средство для благополучия.

- Обязанности по обеспечению семьи выполняют отцы, а матери занимаются домом и воспитанием детей.

Распределение ответов на эти вопросы является маркером тех изменений, которые произошли в сфере репродуктивного поведения жителей индустриально развитых стран мира. Более 60% респондентов выбрали ответ «молодые родители совершаются в профессиональной деятельности на равных». Поскольку реально функционировавшая в истории модель многодетности предполагает семью с работающим мужчиной и женщиной-домохозяйкой, очевидно, что модель семьи с двумя родителями, большая часть активности которых будет приходиться на деятельность вне семьи, не предполагает большого числа детей. Проблема состоит не в том, что людям не хватает средств на реализацию традиционной модели семьи: отцы работают, матери занимаются воспитанием детей, — а в том, что социальная и профессиональная активность в большинстве случаев оказывается важнее и интереснее семейной, что изначально приводит нас к модели малодетной или бездетной семьи.

Рисунок 2 — Ответы на вопрос: «Какую модель семейных отношений

Вы бы предпочли для своей будущей семьи?», %.

Figure 2 — Answers to the question: «Which model of family relations would you prefer for your future family?», %.

По нашему мнению, выявленные в ходе исследования тенденции в очередной раз подчеркивают принципиально важные аспекты будущего демографического кризиса. В условиях современного общества, носящего высокорисковый характер, когда любая социальная система содержит в себе больше элементов

и связей, чем необходимо для ее функционирования, мы в любой момент можем столкнуться с реструктурированием этой системы (Бек, 2000). Таким образом, возможно как улучшение, так и ухудшение условий существования ее элементов, причем если ранее факторы, ведущие к социальным и экономическим кризисам, носили традиционный характер, они повторялись раз за разом и к ним можно было адаптироваться. Сегодня же сложное общество начинает приобретать принципиально неустойчивый характер, когда в условиях того же цифрового неравенства любые социальные несправедливости и лишения, понесенные группой, имеющей навык цифрового представительства их интересов, могут привести к серьезным изменениям в социальной или экономической политике.

Существование в условиях, когда какое-то подобие стабильности социального положения дает не сам факт наличия большой семьи, а владение теми или иными экономическими активами или профессиональными навыками, автоматически ведет к перераспределению ограниченных ресурсов отдельных индивидов в сферы деятельности, не связанные с репродукцией. Очевидно, что на нынешнем этапе развития общества, когда контуры будущего кризиса начинают проглядывать в не очень отдаленном будущем, не совсем понятно, как вписать решение демографических проблем в имеющуюся структуру власти и собственности. Традиционный вариант решения социальных проблем предполагал приоритет экономики над демографией, очевидно, ныне мы приближаемся к точкам, которые могут потребовать изменения подходов.

Тем не менее ясно, что принципиальных вариантов может быть только два — что-то делать с демографией и/или учиться жить в трудодефицитном обществе.

Надо заметить, что первый путь предполагает реализацию таких форм социальной и семейной политики, как: компенсации со стороны государства семьям тех затрат, которые связаны с появлением ребенка (т.е. различные пособия на детей), создание широких возможностей для совмещения семейной и профессиональной деятельности (т.е. создание инфраструктуры ухода за детьми и их воспитания и законодательства, гарантирующего право родителей на труд в условиях рыночной экономики), финансовые льготы семьям с детьми (т.е. различные налоговые льготы). Все эти меры в свое время были реализованы в скандинавских странах и во Франции, которую считали наиболее социалистической из стран Европы (Шпакова, 2022). Все эти меры показали определенную эффективность, но они требуют больших затрат, которые возможны в условиях растущей экономики, но вот что делать, если она не растет, а попытки заставить держать на работе женщин с детьми заканчиваются переездом производства в страны третьего мира, где социальная нагрузка на бизнес носит более приемлемый характер? Очень может быть, что дальнейший демографический кризис и заставит что-то менять в догматах свободного предпринимательства в будущем.

Второй путь предполагает изменение как принципов функционирования целого ряда общественных институтов, так и серьезные технологические сдвиги в экономическом базисе человечества. Тогда нехватка людей постепенно будет приводить к их замещению роботизированными комплексами. Од-

нако подобная технологическая перестройка явно потребует значительных средств, а главное — трансформации в подходе к смыслам экономической деятельности: если целью экономической деятельности не являются власть и престижное потребление, то в чем смысл трудовых сверхусилий, если какой-то набор жизненных благ будут выдавать просто по факту наличия или отсутствия иждивенцев в семье? Зачем работать — чтобы обеспечивать будущее человечества, просто из чувства солидарности и ответственности? Наверное, этот вариант тоже возможен, но только после очень серьезного кризиса, который заставит пересмотреть базовые постулаты современных экономической и культурной парадигм.

Выводы

1. Современное общество вступает в фазу глобального демографического кризиса, связанного с падением рождаемости и сокращением доступных трудовых ресурсов, а также глобального старения населения.

2. Причины этого кризиса связаны с переходом к новой модели социальных отношений, характерных для капиталистических/индустриальных обществ, когда не наличие большой семьи, а владение экономическими ресурсами и редкими профессиональными навыками помогает решать жизненные проблемы индивида.

3. С одной стороны, перед людьми открываются возможности улучшения своего положения и социальной мобильности, с другой — происходит это за счет сверхусилий, которые не оставляют сил и возможностей на воспитание большого количества детей. В силу высокой сложности и рискованности современного общества любой кризис в его развитии ведет к тому, что риски и проблемы перекладываются на рядовых членов общества, а гарантией защиты от рисков является социальное положение: чем оно ближе к вершине социальной пирамиды, тем лучше.

4. Решение этой проблемы возможно, но надо понимать, что в основе ее не какие-то наносные явления, вроде внезапно возникшей в интернете моды на малодетность/бездетность, а существенные явления, лежащие в основе социального и экономического базиса капиталистических/индустриальных обществ. Кроме того, решение этой проблемы потребует не только глобальных тектонических сдвигов в области экономики и социальных практик, но и массу времени. То, что связано с демографическим поведением, — это обычно медленные изменения, затрагивающие десятилетия.

5. Стоит уже сейчас продумать ряд аспектов существования трудодефицитного общества, которое, судя по всему, сложится во второй половине XXI в.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Афанасова Е. Н. Демографический кризис в современном мире // Культура. Наука. Образование. 2023. № 1. С. 55–60.

Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс — Традиция, 2000. 384 с.

- Бернштейн П. Л. Против богов. Укрощение риска. М.: Олимп — Бизнес, 2008.
- Воробьев Ю. Л., Малинецкий Т. Г. Философия риска // Катастрофы и общество. М.: Контакт — Культура, 2000. С. 265–295.
- Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // THESIS. 1994. Вып. 5. С. 107–134.
- Добрена О. А. Социальные риски современности и угрозы идентичности: системный анализ концепции Э. Гидденса // Системная психология и социология. 2019. № 1. С. 100–108.
- Зубков В. И. Социологическая теория риска. М.: Академический проект, 2003.
- Илюшин С. Н. Микрюков В. Н. Теоретико-методологический анализ социальных рисков современного общества. Культура. Наука. Образование. 2023. № 1. С. 55–60.
- Кравченко С. А. Социология риска и безопасности. М.: Юрайт, 2023.
- Орлова М. О., Устяницев В. Б. Введение в социальную рискологию. Саратов: Hayka, 2010.
- Ренн О. Три десятилетия исследования риска: достижения и новые горизонты // Вопросы анализа риска. 1999. Т. 1, № 1. С. 80–99.
- Саклакова Е. В., Мелешкин В. В. Социальный риск и социальная безопасность: атрибуты современного общества риска // Kant. 2019. № 2. С. 266–271.
- Шпакова Р. Н., Щербакова М. И. Демографическая политика Франции: история и современность // Вестник Евразийской науки. 2022. Т 14, № 6.

REFERENCES

- Afanasova, E. N. (2023). Demographic crisis in the modern world. *Culture. Science. Education*, 1, 55–60. (In Russ.).
- Beck, U. (2000). *Risk society. On the way to another modernity*. Moscow: Progress — Tradiciya. (In Russ.).
- Bernstein, P. L. (2008). *Against the gods. Taming the risk*. Moscow: Olymp — Business.
- Vorobyov, Yu. L., Malinetsky, T. G. (2000). Philosophy of risk. In: *Disasters and society* (pp. 265–295). Moscow: Kontakt — Cultura. (In Russ.).
- Giddens, E. (1994). Fate, risk and security. *THESIS*, 5, 107–134.
- Dobrina, O. A. (2019). Social risks of modernity and threats to identity: a systematic analysis of the concept of E. Giddens. *Systems Psychology and Sociology*, 1, 100–108. (In Russ.).
- Zubkov, V. I. (2003). *The sociological theory of risk*. Moscow: Akademicheskij proekt. (In Russ.).
- Ilyushin, S. N. Mikryukov, V. N. (2023). Theoretical and methodological analysis of social risks of modern society. *Culture. Science. Education*, 1, 55–60. (In Russ.).
- Kravchenko, S. A. (2023). *Sociology of Risk and security*. Moscow: Yurajt. (In Russ.).
- Orlova, M. O., Ustyantsev, V. B. (2010). *Introduction to social riskology*. Saratov: Science. (In Russ.).

- Rennes, O. (1999). Three decades of risk research: achievements and new horizons. *Issues of risk Analysis*, 1(1), 80–99.
- Saklakova, E. V., Meleshkin, V. V. (2019). Social risk and social security: attributes of a modern risk society. *Kant*, 2, 266–271. (In Russ.).
- Shpakova, R. N., Shcherbakova, M. I. (2022). Demographic policy of France: history and modernity. *Bulletin of Eurasian Science*, 14(6). (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ирина Мироновна Лоскутова — д-р социол. наук, доцент, профессор кафедры социальной работы Института клинической психологии и социальной работы Российской национального исследовательского университета имени Н.И. Пирогова Министерства здравоохранения РФ, профессор кафедры теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой Московского государственного педагогического университета, Москва, Россия.

Irina M. Loskutova — Dr. Sci. (Sociology), Associate Professor, Professor of the Department of Social Work of the Institute of Clinical Psychology and Social Work of the N.I. Pirogov Russian National Research University of the Ministry of Health of the Russian Federation, professor of the Department of Theoretical and Special Sociology named after. M.A. Budanova Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia.

Максим Викторович Синяев — канд. полит. наук, доцент кафедры социальной работы Института клинической психологии и социальной работы Российской национального исследовательского университета имени Н.И. Пирогова Министерства здравоохранения РФ, Москва, Россия.

Maxim V. Sinyaev — Cand. Sci. (Political Studies), Associate Professor, Department of Social Work of the Institute of Clinical Psychology and Social Work, N.I. Pirogov Russian National Research University of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Вера Сергеевна Тарченко — старший преподаватель кафедры социальной работы Института клинической психологии и социальной работы Российской национального исследовательского университета имени Н.И. Пирогова Министерства здравоохранения РФ, Москва, Россия.

Vera S. Tarchenko — Senior Lecturer, Department of Social Work of the Institute of Clinical Psychology and Social Work, N.I. Pirogov Russian National Research University of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Мария Юрьевна Казарян — канд. психол. наук, доцент кафедры педагогики и педагогической психологии Института клинической психологии и социальной работы Российской национального исследовательского университета имени Н.И. Пирогова Министерства здравоохранения РФ, Москва, Россия.

Maria Yu. Kazaryan — Cand. Sci. (Psychologe), Associate Professor, Department of Pedagogy and Educational Psychology of the Institute of Clinical Psychology and Social Work, N.I. Pirogov Russian National Research University of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Владимир Викторович Лукьянов — д-р мед. наук, профессор кафедры логопедии, олигофренопедагогики и основ специального образования Курского государственного университета, Курск, Россия.

Vladimir V. Lukyanov — Dr. Sci. (Medecine), Professor of the Department of Speech Therapy, Oligophrenopedagogy and Fundamentals of Special Education, Kursk State University, Kursk, Russia.

Статья поступила в редакцию 25.03.2025;
одобрена после рецензирования 20.06.2025;

принята к публикации 20.06.2025.

The article was submitted 25.03.2025;
approved after reviewing 20.06.2025;
accepted for publication 20.06.2025.